

Раскрывая хьюмидор¹

Все удивительные воспоминания хочется вынуть из головы и положить в нагрудный карман. И вовсе не потому, что так ближе к сердцу. Просто до кармана проще дотянуться, чтобы нащупать там нужное и показать кому-то. Взять да и подойти к первому встречному, слегка приоткрывая ладони — мол, смотри...

— Смотри, что у меня есть!

А тот, случайный, удивится, рассмеется, ну надо же, скажет, ты счастливчик! Да, улыбаешься ты, счастливчик, и снова сжимаешь ладони.

Но не так-то просто носить воспоминания все время с собой. Лишь на первый взгляд они кажутся маленькими и словно невесомыми, но если попытаться оторвать их от земли... Экая тяжесть! — куда проще остаться тут же, при этих неподъемных чемоданах собственной памяти — сесть на них, да так и не сдвинуться дальше.

---

¹ Для справки по заголовкам см. «Краткий словарь табаковеда» на странице 155.

Мимо идут люди. Этот мужчина в белом пиджаке с огромным чемоданом, похожим на кофр, от которого по земле тянется бурая полоса, — натуральный конь с телегой. Еле тащится, мучится одышкой, но везет. Он уверен, что засеивает поле, и это было бы правдой, если бы не гнилые семена. А та женщина в черном несет только ручку от сумки: поклажа давно оторвалась под собственным весом, но она не хочет этого признавать. Она медленно идет и аккуратно держит ручку — так, будто та заполнена водой.

Вот странно одетая тетка с большим рюкзаком на плечах. Из него постоянно что-то вываливается, а она, не обращая на это никакого внимания, ежеминутно находит на дороге какую-то новую необходимость и не глядя бросает в рюкзак. О, смотри, — выпал хороший на вид мужчина и убежал. Тетка посмеялась и пошла в противоположную сторону, прибавив шагу.

А этот человек упал на свои вещи ничком и лежит. На его плечах — следы от жестких ручек, а ноги неестественно вывернуты.

Надо идти.

Но как унести этот груз? Ты раскрываешь чемодан, смотришь внутрь... Все воспоминания сваялись в один большой ком. Интересно, думаешь ты, а эти люди раскрыли свою память хотя бы раз за столько лет?

И ты отламываешь от кома кусок, а он прямо в пальцах вдруг — рассыпается... Все, что было так дорого, так важно, бежит сквозь пальцы, и очень страшно позволить ему сбежать. Все, что было когда-то материальным, твердым, существенным, теперь

даже не песок, а так, — дрянь какая-то. Табак пересушенный. Тогда ты собираешь воспоминания по щепотке и закручиваешь их в папиросную бумагу. И со смехом замечаешь, что получились натуральные самокрутки, какие курил, быть может, твой дедушка. Ни дать ни взять, настоящий самосад в обрывках советской газеты.

Я скручиваю, и все оживает — оживают улицы, дома, начинают разговаривать коты, и я их понимаю, а они понимают меня.

Я скручиваю, и обидно, когда слишком тонкая бумага рвется, когда то, что в центре, просыпается наружу, а потом чего-то не хватает, понимаешь? Чего-то важного недостает.

Я скручиваю, и они выходят такими разными и неуклюжими, ведь специальной машинки по скрутке воспоминаний у меня нет.

Самокрутка первая Козья ножка

Сначала была Шибаловщина. Никто не может ни понять, ни вспомнить, ни, тем более, объяснить, откуда она взялась. Просто однажды воздух в Квартире сгустился, что-то тихонько щелкнуло, — и опа! — на тебе, лежит. Синяя, дырявая, вонючая, словом — домашняя. Как тапки, в которые Рыжий наложил. Впрочем, я попробую восстановить цепочку событий и разобраться, откуда взялось это чудо.

Мысль — она, как вы знаете, материальна. Но ведь кто-то должен подумать ее, эту мысль. А кому ее думать, если Квартира пуста?..

Квартира живет под самой крышей, на пятом этаже. Голову ей летом печет солнце, зимой заваливает снегом так, что уши примерзают к водосточным трубам. За шиворот ей залетают голуби и гадят. Внутре живут пауки и тараканы, потому что прошлые хозяева бросили Квартиру, даже не смахнув хлебные крошки со стола.

Ну вот, вы уже, наверное, думаете: враки! Кто бросит жилплощадь в таком престижном районе столицы?

Да, ее действительно не просто оставили, а решили сдавать.

Хозяйку Квартиры звали Муза, как любимую собаку Литературного института.

Но я сомневаюсь, что Муза могла выдумать что-то такое, что материализовалось бы в Шибаловщину. Для этого должен был появиться Шибалов собственной персоной, не иначе.

Откуда взялся здесь Валентин Шибалов, никто не помнит, не понимает и не в силах объяснить. Логично думать, что он появился до Шибаловщины. Хотя это вопрос довольно спорный — что было сначала: яйцо или курица.

Есть предположение, что Валька там прямо и родился. Уже бородатый, толстый и сразу на унитазе. Да, возможно, после своего рождения он спрятался за сливной бачок и рос там потихоньку, пока не пришла Хельга Патаки и не начала выметать оттуда всякий мусор. Шибалов оказался мусором самым приятным, а при ближайшем рассмотрении вовсе даже и не мусором, а весьма упитанным мужчиной «в самом расцвете сил». Патаки как увидела это чудо грязнущее да лохматущее, так и зарделась вся. И ну его мочалками шоркать! И чем больше шоркала, тем больше рдела.

Хельга Патаки, собственно, и начала первой снимать Квартиру. А Валька, даже если он в ней и уродился, все равно сделал это, не оплатив госпошлину. Поэтому Хозяйкой стала Патаковна, как ласково звал ее Шибалов.

Так Квартира стала Домом. Веселым, теплым и гостеприимным.

А как же может Дом жить без кошки? Да легко! Вот без кота уже сложнее. Поэтому появился Рыжий. Он родился из большого Хельгиного рюкзака. Судя по содержимому рюкзака (а лежали там обычно дудки, ноты, книжки да листочки), — Рыжий — дитя Таланта.

Этот кошак умудрялся гадить в такие места, в какие не ступала даже тараканья лапка. Потому что он был очень умный и на самых важных местах хотел оставить свой автограф.

Откуда взялась там я? Патаки говорит, что от сырости завелась. Просто Рыжий однажды оставил автограф на одном из матрасов, и с тех пор тот ни разу нормально не просох. До сих пор воняет, можете сами у Хельги спросить.

* * *

На нашей кухне была старенькая газовая плита и еще более древняя газовая колонка. Я до сих пор вздрагиваю, вспоминая эту конструкцию. Сначала я долго училась ею управлять, но однажды спросонок перепутала порядок действий — колонка пыхнула ярким пламенем и опалила мне ресницы. Зато у нас всегда была горячая вода.

Конечно, на кухне был стол. Кажется, письменный. В одном из его ящичков стояла банка с выдавшим виды табаком. Периодически окурки из переполненной пепельницы сортировались — бычки получше в одну кучку, похуже — в другую. Те, что подлиннее да посохраннее, потрошились, табак ссыпался в специально отведенную для этого банку — ту самую, фильтры складывались отдельно. Скуренные «в ноль» отправлялись в мусор. Табак некоторое время просушивался, иногда в него нарезалось яблочко или два, для вкуса. Позже из этого табачка с добавлением фильтра мы «лепили» самокрутки. Еще бумага была специальная.

Вообще фигня, конечно, получалась, особенно если табак не до конца просох. Но когда денег не было, а курить хотелось, это спасало.

* * *

Прямо под нашей Квартирой, этажом ниже, жила одна милая женщина. Имени ее я, к сожалению, не помню. А может, никогда его и не знала. Это вовсе ни к чему, если называть человека как-то особенно. Она была очень особенной, и любя мы звали ее Недотрашка.

Нравом она отличалась игривым. То бралась среди ночи молотком в дверь колотить, после чего на бедняге оставались приличные вмятины. То жаловалась, что кот наш слишком громко топает. А однажды

настойчиво посоветовала приклеить на наши тапки по прокладке, чтобы мы тише ходили. А лучше — сидели. И желательно не шевелюсь.

Был у нее сын. Худенький такой, глаза тоскливые. Прямо жалко его. Но что поделать — без крыши парень, без башни в смысле. Дурачок, в общем. И очень он по крыше своей тосковал, и сильно найти ее пытался, узнать — не она ли, не его ль?

Решил раз Дурень, что крыша горячо любимой нами квартиры — та самая и есть. Кумекать стал: как бы на законное место ее возвратить?

День Дурак думал, два, а на третий рассудил так: вот, дескать, дождик идет когда, фундамент дома подмывает, и тот начинает проседать. И совсем просто будет до милой крыши дотянуться! Но ждать погоды от природы — ненадежное занятие. Надо брать ситуацию в свои руки. И вот пошел Дурачок в садово-леечный магазин и купил себе большую лейку.

День-деньской сидел он у подъезда и лил воду под ноги дома. В глазах его светилась неясная надежда, все ждал, когда крыша до земли опустится, а он возьмет большой тортовый нож и отрежет себе кусок шифера. Приладит вместо шляпы к голове, и мир вокруг изменится: он станет умным, луна всегда будет растущей, бездомные собаки — сытыми, а мама — красивой.

А Недотрашка носила вниз огромные лязгающие ведра, полные ржавой воды. О бедро билась банка с грибным супом, обмотанная вафельным полотенцем.

Она шла и ворчала себе под нос. Мол, что за жизнь — хлеб в «Перекрестке» опять непропеченный и соседский кот всю ночь спать не давал. Что за люди, нет бы тихо сидеть.

* * *

«Перекресток», который так ругала Недотрашка, лично мы уважали очень. Там можно было выменять полный пакет железных денег на 50 гр говяжьего фарша, пачку «Явы», хлеб и кошачий корм. А иногда в гости приезжала мама, и тогда мы сметали с полок шоколадные конфеты, диковинные печеньки и заморские консервы.

Ночи мы всегда проводили на кухне. Просто домой приходили очень поздно. За пять минут до закрытия выбегали из туннеля с буквой М, бежали к остановке с буквой А и долго ехали мимо красных бурлящих фонтанов на Поклонке и яблочного сада — то цветущего, то зреющего, то облетающего, то замерзшего и будто снова цветущего. Потом шли в «Перекресток» и только после этого — не спеша, вымотанные, голодные — брели в сторону дома. На крыльце дремал соседский Дурачок, изможденно прислонившись щекой к холодной лейке и беспокойно вздрагивая во сне. Мы отламывали ему немного хлеба и поднимались на пятый этаж. Входили, открывали дверь на кухню, радостный Рыжий прыгал на стол, терся о Валькины усы в ожидании кормежки. И мы принимались за готовку.

Самокрутки

Варили суп, очень быстро его съедали. А потом сидели и тележили до самого утра. Вставать на учебу, конечно, было весьма непросто, но свежий кофе выручал.

А иногда денег совсем не было, мама не приезжала, стипендию не платили. Тогда мы ели панировочные сухари с майонезом.

ДОКУМЕНТ № 1
Обнаружен висящим
на входной двери квартиры №80
по ул. Свиридова г. Москвы

ЦРУ
(Ценные Руководящие Указания)

Открыть форточку в комнате;
Выключить колонку, газ, свет, воду;
Закреть кота на кухне;
Взять с собой мусор;
В парадной громко не разговаривать.

ПОЖАЛУЙ, ХВАТИТ
СЧАСТЛИВОГО ПУТИ!

Самокрутка вторая Мягкая смесь

Итак, мы быстро съедали свои 50 г фарша и тележили до самого утра.

Телега — это та же байка, сказочка, придумка. Только надо ее не рассказывать, а двигать. А потом сесть сверху и переться от собственной просветленности. Цель ее — подвинуть сознание, но не так, чтобы совсем двинуться, а чуть-чуть. Телеги бывают разные. И в стихах бывают, и в песнях, но чаще в виде эдакой мудреной сказки. Хельга была настоящим тележным мастером, сэнсэем тележной мудрости, а я внимала и училась.

Мы двигали о зеленых собаках, стерегущих свои маленькие заборчики на теплых от солнца газонах. Мы размышляли над тем, какими путями в метро попадают поезда. Может быть, они прямо там и рождаются?.. И мамы-вагоны не пускают детей-вагонят на линию до самого совершенновaгония.

— Родился как как-то в депо новый поезденоч. Радостный такой, фарами хлопает, колесами топает —

родители не могли нарадоваться сыну. Когда Метруне исполнился один вагончик, они рассказали ему о своей тяжелой работе. Ездят целыми днями, людей возят, а люди неблагодарные, то стекло выбьют, то бутылку накидают, то стены начнут расписывать. А вот их троюродные тетки на американских горках работают. Вот повезло! И на солнышке, и народу по утрам не так много¹, — рассказывает Хельга.

А я ей: «Давай чаю подолью».

Нет, вру. Мы пили матэ. То есть вот так выходит: «Давай кипяточку добавлю». Да, выходит, так.

А она: «Каждое лунное затмение происходит одно и то же. Звездный Волк спускается на Микояновский мясокомбинат, чтобы украсть колбасу, возносит на небо души невинных котят, а Звездный Лев ругает Волка и возвращает котят на землю, но уже не в виде колбасы, а в виде живых кошек. Потому что в мире все всегда правильно. Правильно и гармонично². А, да, давай, спасибо, спасибо, круто!»

* * *

— Я помню, как впервые поняла, что такое время, — вполголоса говорила Патаки, склонившись над лит-

---

¹ Хельга Патаки, отрывок из сказки «Метруня».

² Хельга Патаки, отрывок из сказки «Звездный волк и Микояновский мясокомбинат».

ровой железной кружкой и глядя на меня сквозь очки. — Как-то раз, когда я была еще совсем маленькой, мама повела меня на УЗИ. Понятное дело, писать было нельзя. И я очень долго терпела, а ужасно хотелось, и я ерзала на скамейке в очереди, а рядом со мной сидела большая совдеповская тетка. Тетя читала газету. У нее была такая огромная попа, что занимала почти всю скамейку, так что мне оставался самый краешек. Но ей было мало просто удобно сидеть, и она все время меня одергивала: «Девочка, чего ты вертишься? Девочка, ну посиди спокойно! Девочка, почему ты не можешь просто положить свои руки на ноги, а ноги — на пол?» Но я не могла. Ноги никак не хотели стоять на месте и сами собой плясали танец «хочуписать». Поэтому я встала и начала прыгать. Вверх-вниз, вверх-вниз, люди входят и выходят, вверх-вниз, входят, вверх, выходят, вниз, ой, ой, ой! И вот, наконец, моя очередь. Когда я вышла из кабинета, я помчалась напрямиком в туалет. И писала так долго, мама сказала, что целую минуту. Вот так я поняла, что такое время. Валя, ну почему ты опять по квартире голый ходишь? Ты бы хоть Полинки постеснялся! Блин, ну почему ты у меня такой дурак?

Но я уже привыкла, что Валька ходит голым и играет на баяне, сидя в туалете. Ведь он музыкант, творческая личность. Хельга рассказывала, что раньше у Шибалова были длинные волосы, по самую попу, настоящий предмет гордости. Я никак не могла в это поверить, такие волосищи я видела только у одной своей подружки, однокурсницы Сашки.

Но сейчас Шибалов стрижен под ежика. Ему от этого самому немного грустно, зато попу ничто не загорживает. Теперь он гордится ею.

Хельга Патаки сказочница и флейтистка. Конечно же, в доме у двоих музыкантов живет куча инструментов. Несколько гитар, скрипка, два баяна, дудки, флейты, тинвистлы и два синтезатора, один из них даже умещается на ладони.

Как-то раз, ожидая автобус на остановке, мы увидели на столбе объявление:

ДОКУМЕНТ № 2

**Обнаружен висящим на столбе,
недалеко от станции метро «Парк Победы»**

**МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКОЛА №47 ОБЪЯВЛЯЕТ
НАБОР УЧЕНИКОВ НА НОВЫЙ УЧЕБНЫЙ ГОД
2004-2005 ПО СЛЕДУЮЩИМ**

СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ:

ФОРТЕПИАНО

СКРИПКА

КЛАССИЧЕСКАЯ ГИТАРА

БАЯН

ХОРОВОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

**ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЭКЗАМЕНЫ ПРОВОДЯТСЯ
В МАЕ 2004г. ПРОСЛУШИВАНИЕ СОСТОИТСЯ
16 МАЯ В 17 ЧАСОВ.**

Ну, мы и пошли туда. Все вместе, втроем. Велико-возрастные дитяти — мне семнадцать, Хельге двадцать четыре, Вальке двадцать восемь. И нас взяли. Я стала заниматься классической гитарой, Патаки скрипкой, Шибалов продолжил покорять кнопки баяна.

В музыкальной школе про нас ходили легенды. Дескать, вот учатся трое студентов странной наружности, очень какие-то творческие личности.

* * *

Хельга и Валька очень любили друг друга. Они даже хотели пожениться, только обязательно первого апреля. Потом, конечно, деток народить. А на мне они тренировались — над моим спальным местом висела длинная гирлянда погремушек.

В свободные вечера мы с Патаки сидели на кухне и читали газету «Моя семья».

Шибалов в это время медитировал на унитазе и заучивал надписи на стенах.

Рыжий, раскорячившись под раковиной, сосредоточенно и продолжительно писал в лоток.

«Потому что в мире все всегда правильно. Правильно и гармонично».

Самокрутка третья Табак с джемом

По Трубе¹ гуляло Эхо.

Оно то не спеша прогуливалось от стены до стены, опираясь на тросточку и чуть пританцовывая, то носилось, как сумасшедшее, вихляя бедрами и прыгая. Ему никогда не было скучно, потому что само по себе оно не существовало. Оно рождалось и умирало каждую минуту. Стоило появиться малейшему звуку, как Эхо во все ноги откуда-то выпрыгивало и радостно кричало этот звук, пока не надоест. До тошноты оно повторяло за птицей, за поездом, за ветром, за свистком милиционера, за грохотом выпавшей из коляски погремушки и требовательным криком. Хотя, может

---

¹ Лондонцы называют метро *The Underground* («подземка») или чаще *Tube* («труба»), по форме большинства глубинных тоннелей. Принято думать, что именно отсюда растут ноги у московских (впрочем, как и питерских) «труб». Хиппи любят английские слова — герлушки (девочки), бэги (сумки), хайры (волосы). Куда ж без трубы — излюбленного места тусовки и сейшена. Интересно, что так называют, как правило, не само метро, а именно переходы от одной станции к другой или простые «подземки».

быть, его и не тошнило никогда. Ведь Эхо бесплотно. Или нет?

А все от того, что в Трубе была очень хорошая акустика. А это от того, что много свободного пространства. Кругом просторно и гулко, как и полагается быть в переходе метро. Это переход так звали — Труба. Может быть, за его длину, продолговатость и широкие гладкие бока, уходящие вверх, а может быть, за музыкальный талант. Ведь дружба Эха и Трубы была очень музыкальной.

За это-то мы и полюбили Трубу.

Мы встречались каждый день. Ровно в восемь часов утра Хельга Патаки снимала с плеч большой круглый рюкзак и раскладывала дудки, доставала колпак — такой красный, с белой пампушкой на конце — новогодний. Иногда с нами был и Валька, тогда он открывал большой твердый кофр и доставал из него баян. Начинался сейшен¹.

Патаки с Валькой, играя вдвоем, радовались, как дети. Пальцы у обоих двигались быстро-быстро, усы

---

¹ Джем-сейшен (англ. *Jam session* — «джет-сессия», дословно «приятное времяпровождение») — музыкальный термин, описывающий совместную музыкальную сессию, музыкальное действие, когда музыканты собираются и играют без особых приготовлений и определённого соглашения. Джем-сейшены могут варьироваться от очень свободных собраний любителей до искушённых импровизированных сессий звукозаписи, предназначенных для публичного выпуска.

Шибалова прыгали вверх, а ноги Хельги под широкой юбкой казались танцующими брусьями под парусом. А я бегала по Трубе. С колпаком в руках, звенящим и тяжелым, я мчалась, мне хотелось пуститься колесом, но народу было слишком много, и я останавливалась. Останавливалась каждый раз, когда встречала Глаза и Рот.

Глаза и Рот есть не у каждого. На какой-то рот посмотришь — яркий такой, блестящий, а его все равно не видно. Ну, нет его! Это просто губы из журнала вырезали и приклеили на лицо. Ведь он же совсем не двигается. И не улыбается.

А Глаза? Пустые и холодные — не настоящие глаза.

Но что начиналось, когда я их встречала! Я говорила не с девочкой, не со стариком, не с панком, не с почетной матерью семейства, вовсе нет, я говорила с ними — Ртами и Глазами. Мы друг друга понимали быстро. Хотя нет. Иногда я говорила еще с руками, с ногами или с волосами. Но это было реже. Еще реже — с сердцами. Сердцам не нужно ничего объяснять.

Но в какой-то момент все мы замечали, что в Трубе ужасно холодно и изо всех шести выходов сразу дует ветер. Тогда возникал вопрос: а кто же делает ветер? Я ли, носясь по переходу? Хельга ли, дуя в дудки? Или просто крутилось большое Эхо, завихряя голоса в ветры?.. И тогда мы останавливались. Закрывали кофр и рюкзак, считали деньги, и уходили на работу, на учебу — спускались вниз, куда стеклянные двери не пропускали Эхо.

* * *

По окончании всех дневных дел сейшен продолжался. Но уже на Арбате. Мы приходили туда часам к восьми и летом, и зимой. Потому что Муза требовала оплату за Квартиру независимо от погоды. Да и голодному Рыжему, собственно, тоже было плевать, дождь на улице или снег.

А знаете, что самое любопытное на Арбате? Я вам расскажу: это иностранцы.

У нас скопилась хорошая коллекция иностранных монеток. А я научилась по реакции распознавать, кто стоит передо мной.

Американцы — самые дружелюбные. *Айм сорри, ви нид хелп, ви вери нид хелп! Мани фор хеппинеэ, плиз!..* Как они бывают очаровательны, когда складывают в колпак доллары!

Французы какие-то непонятливые. Глазками хлоп-хлоп, ножками топ-топ, а ты надрываешься, *женемас пазисжур сильвупле, мерси в баку и пардон мадам-мисье.*

Самые придирчивые немцы. Слушают внимательно (не тебя, а музыканта), почесывают бровь и дают всегда по две монеты — рубль и евро. Музыканту. А тебя вообще здесь не стояло.

А русские обычно предлагают налить, кормят конфетами, дарят цветы... Но крутые тоже встречаются.

Была такая популярная мелодия, «Бумер» называлась. Эх, жаль, я не наиграю. А как Хельга с Валькой роскошно исполняли ее дуэтом! Так вот, как-то раз мы спокойно сейшенили на Арбате. Мимо проходит солидный такой дядечка, и вдруг у него звонит телефон. И там — что бы вы думали? *Та-да. Та-да.* А у Патаки дудка в той же тональности! И она быстро подхватывает: *Тада-тада-тада-тада-тада!* Дядя обернулся, выразительно на нее посмотрел... и пошел себе дальше. Проходит минут десять, а он вдруг возвращается и что-то кладет в колпак. Вот так однажды мы заработали тысячу рублей за три секунды чистой игры.

Дорога домой у нас лежала через самый длинный эскалатор — на Парке Победы. Поднимаясь к выходу, мы всегда пели одну и ту же песню — гимн успешного сейшена. На три голоса. Валька басом начинает: *По-ва-ди-ил-ся журавель журавель... На зе-ле-о-ну конопель конопель...* — подхватывает Хельга. А я продолжаю: *По-ва-ди-ил-ся журавель журавель... На зе-ле-о-ну конопель конопель...* И хором:

*Ходит ходит и тусуется
Коноплей интересуется
Ходит глазки зажмуривает
Конопельку покуривает
Ходит ходит прикальвается
Конопелькою баловается
Ходит ходит подпрыгивает
Конопелькой порыгивает!*

Самокрутка четвертая Кофе с табаком

Разумеется, сэйшены — это так, баловство одно. Просто публичные репетиции. Главными были концерты.

Сцена — это тайна. И я случайно оказалась частью ее.

Вот Хельга снова дует в дудку, и, как по сигналу, загораются глаза, и пальцы двигаются, скорее, скорее, успеть, догнать каждую нотку, ну, давай, Патаки, поднажми еще чуть-чуть! Она жмет, и люди, застывшие на половине глотка, смотрят во все глаза, а рты смеются, и пальцы по столу — там-пам-пам, та-да-дам.

Я гляжу на это, и мне так удивительно радостно и странно. Два часа назад — Хельга, сейчас — музыкант. Два часа назад — на кухне, и вот — на сцене. Там-пам-пам, та-да-дам.

Но куда интересней жизнь зала до концерта. Когда еще почти темно, на сцене пусто, можно пройтись между барабанной установкой и микрофонной стойкой, дать щелбана комбику и дернуть бас за струну. А потом, пройдя сцену насквозь, войти в тесную,

прокуренную гримерку. Господи, какой же там хлам! В одну кучу свалены чьи-то сапоги, книги, диски, скрипки и колокольчики. Я взяла колокольчик в руки — дзи-дзон! — и поставила на полку.

А уже через три минуты стало слышно, как по сцене прыгают упругие ноты, настраиваются инструменты. Значит, все собрались: саунд-чек.

— Добавьте правый микрофон в монитор, я себя не слышу!

— Басуху убавь. Блин, Дима, ты меня слышишь вообще или как? Ты тут один, что ли? А где Кир?

— Сейчас придет, вышел куда-то.

— Блин, чей концерт-то вообще? Там уже люди собираются, а мы еще не состроились! Ну, дает... — Патаки была сильно возмущена. Она присела на корточки и стала протирать очки краем юбки.

«Начальство не опаздывает, начальство задерживается», — думала я, разглядывая коробочку от диска, лежащего на столе. На обложке была фотография мужчины, какого-то музыканта. «Василиск», — прочла я на коробке. А, да, на лекции Антонов нам что-то про василисков рассказывал. Мифическое такое существо с головой петуха и мощным хвостом и, кажется, те, кто встречался взглядом с Василиском, каменели. Антонов тогда был, как обычно, с похмелья, но говорил хорошо. Может, поэтому я запомнила его слова?

«Надо же... какой, — думала я, глядя на фотографию. — Что-то я тебя раньше не видела. Но надо же...»

Тут за моей спиной кто-то чиркнул спичкой. Я обернулась. Передо мной, прислонившись к стене, стоял и молча курил мужчина — с обложки диска.

У него были длинные, уже почти седые волосы, были уверенные, тонкие пальцы и широкая — лопатой — ладонь. А лицо казалось добрым и даже красивым. В нем не было ничего пугающего, наоборот, оно виделось мне притягательным и даже — веришь, нет? — прекрасным...

— Кирилл, — коротко представился он.

— Полина, — я улыбнулась. Все-таки «Василиск» — это псевдоним.

Какой теплый у него взгляд... И при этом — серьезный, насмешливый. Но вот он улыбнулся одним уголком рта, и насмешки уже не было видно, сколько я ни смотрела. А смотреть хотелось неотрывно.

— Ведь ты не превратишь меня в камень? — спросила я.

Пора в зал идти, сейчас концерт начнется. Между прочим, на фотке Василиск гораздо симпатичнее. А на самом деле — полноват да и, пожалуй, староват. Только глаза — как будто светятся.

И рубашка такая белая-белая.

* * *

В свете софитов по рубашке прыгали черные тени.

Рядом со мной сидела тучная девочка с длинными кудрявыми волосами и с открытым ртом смотрела на

сцену. Мой рот был закрыт и очень занят: я пила пиво. А туда, под прожектора, я не особо-то и смотрела.

А что, он молодец, полный зал собрал. Я стала оглядываться по сторонам. Кругом сидели неформального вида девочки и мальчики, юные такие, улыбающиеся. На их фоне резко выделялась одна женщина. Она была — взрослой. Не стареющей, нет, просто другой. На сцену она почти не смотрела, только слушала, да и то вполуха, пила кофе из маленькой кружки и иногда улыбалась, поймав Кирин взгляд. Курила мелкими частыми затяжками, и пальцы все время промахивались мимо пепельницы. Черные волосы закрывали белую шею.

Подошла Хельга, Кирилл остался играть один.

— Ну, как тебе концерт?

— Отлично!

— Познакомились уже? — Патаки оглянулась и улыбнулась странной женщине. — Привет, Маш!

— Ты ее знаешь?

— Да, это Кирюхина жена.

Тут к Хельге подошел какой-то тип. Тип был высоким, даже длинным, и страшно худым. Ну вылитый гвоздь! У него была редкая рыжая бородка и безумные круглые глаза.

— О, Сидоров, здорово! Полинка, это Гриша, Сидоров, это наша Полинка.

Без лишних церемоний тип наклонился ко мне и спросил:

— Водку будешь?

* * *

Вечером после концерта мы с Хельгой и Шибаловым собрались на кухне. Валька жарил большую курицу, а Патаки разливала по кружкам матэ. Потом села, закурила.

— Завтра мы с Киром будем у нас репетировать. Ты это, приберись чуть-чуть, ладно? Сможешь вернуться пораньше?

— Ага.

Я осмотрелась. Да, уборка этому дому явно не повредит. Конечно, носок в пепельницу попал случайно, просто кто-то скинул его с холодильника. Вечером постираю. Нет. Завтра. Или послезавтра. А то Василиск придет, а у нас вся Квартира в мокрых носках.

Домашние репетиции проводились частенько, ведь Хельга играла со многими группами. Чего только одно «Досадное Недоразумение» стоило! И у Вальки своя банда была, «Бетон-Travel».

Когда у меня начиналась сессия, я засовывала в уши вату и сосредоточенно сидела на кухне. Недотрашка рвала и метала, но я не слышала — в ушах беруши, а в комнате целый оркестр.

* * *

Выйдя из института и глядя на грязный тающий снег, я вспомнила, что мне сейчас предстоит: уборка. Стало страшно.

Мне было жутко, пока я ехала в метро. В автобусе я подумала, что было бы здорово просто завернуть всю Квартиру в кулек и выбросить за окно. Это куда проще. Но тогда негде будет репетировать. Я набрала побольше воздуха и толкнула дверь.

Когда мы надолго уходили из дома или уезжали на несколько дней, Рыжий обижался и начинал писать на кровать в комнате. Точнее, на матрац, кроватей у нас не было. Причем обязательно на мой, засранец этакий. И матрац страшно вонял.

Чего я только не делала, чтобы избавиться от этой вони! Терла матрац стиральным порошком, гелем для душа, окуривала ароматическими палочками, поливала его освежителем воздуха. Но он продолжал вонять. А кот по-прежнему гадил.

Я разрезала целлофановые пакеты, склеивала их между собой скотчем и закрывала этой конструкцией свое спальное место. Но Рыжий все равно писал. Я выбрасывала пакеты, стирала постельное и, закрывая кота на кухне, подпирала дверь веником.

Я дома.

Веник на полу. Дверь на кухню открыта.

Только бы Кирилл не сел на мой матрац.

* * *

Я уже битый час пыталась оттереть плиту, когда в дверь позвонили. Наверное, Хельга пришла. Но это была не она.

— Привет, Полинка.

И та же усмешка. Как странно он на меня смотрит!

— Привет.

— Хельги еще нет?

— Нет. Ты первый.

Василиск снял гитару и поставил ее на пол.

— Чай, кофе или потанцуем? — спросила я без задней мысли.

— Вообще-то кофе. Но можно и потанцевать.

Меня бросило в пот. Вот еще! Без танцев обойдется. А кофе сварю.

Он шагнул в комнату.

— Садись в кресло! — крикнула я через плечо.

Полчаса спустя репетиция уже шла полным ходом. Кир играл, в перерывах попивая мой кофе. Кофе был страшно крепкий, черный и без сахара.

А я смотрела на Василиска — и все-таки каменела.

Стоя у дверей, я сказала:

— Оставайся, еще кофейку попьешь.

— Когда-нибудь я останусь, — сказал Кирилл и, развернувшись, быстро поцеловал меня в губы.

Кофе был горький.

Самокрутка пятая Рыжий виргинский табак

Ожидая хозяев, кот скучал. Он лениво бил рыжей лапой по стеклу, охотясь за невидимой мухой. Муха назойливо звенела, садилась на уши и щекотала, но паршивку невозможно было поймать. Кот ее выдумал.

Рыжий лег животом на стол и закрыл глаза. Хозяева никогда не прогоняли его с кухни. Это было хорошо. Но они запирали его там. А вот это хуже. На кухне кот скучал. Нет, не по людям. А так просто. Хандра.

Кот и раньше замечал, что иногда начинает вести себя, будто совсем выжил из ума, как в случае с мухой. Да, он был стар. На боках повытерлась шерсть, уши уже не всегда замечали фальшивую ноту в игре хозяйки. А вот в былые времена...

Зажмурившись от удовольствия и раздувая ноздри, он начал вспоминать, как когда-то она всюду таскала его, Рыжего, с собой. Он прыгал в рюкзак, и они вместе куда-нибудь ехали. Кот слушал музыку, заводил новые знакомства, в общем, жил как все нормальные люди. А теперь хозяйка, видимо, решила, что он постарел, и стала оставлять его дома.

Может, это произошло потому, что от обиды он стал писать на матрасы? Так а чем еще заняться, если три дня сидишь один в Квартире, в которой даже мух нет. В которой даже не включить света, потому что лапы не достают, как ни прыгай.

Вот раньше писал же он на ее листочки, а она только радовалась, что вот, ура, не надо сегодня контрольную сдавать. А теперь, эх...

Вдруг Рыжий услышал, как в дверях поворачивается ключ. Это было сигналом: Мьяаууоо, Муааооу! Пусть знают, как мне жрать хочется.

Но тут открылась дверь на кухню, и вместо хозяйки в проеме возникла Кошка. Кошка была серой и худой. И уж точно — чужой. Рыжий фыркнул и отвернулся. Кошка тоже фыркнула, но не отвернулась, а пошла облизывать его миски. Рыжий от возмущения чуть не упал с нагретой столешницы, но сдержался и только сквозь зубы процедил:

— Слышь, ты, Серая. Еще раз притронешься к моей миске — имей в виду, пеняй на себя и держись подальше. Я тут не шутки шутить лежу, иди, откуда принесло.

Но Серая только удивленно на него взглянула и мяукнула.

И в Рыжем что-то сломалось. Милое, простое создание, даже не знающее кошачьего языка! Кошка...

Три дня пролетели как в тумане. Рыжий был счастлив. Но вдруг Ее забрали и куда-то унесли. А потом его самого взяли и потащили куда-то, и тащили долго. В дороге все время хотелось пить, немела шея,

он царапался, как только мог; на дура-девчонке, тащившей его, живого места не осталось. А его все несли и несли, везли по вагонам, трамваям, машинам, в руках, в сумке, во рту совсем пересохло, и было страшно обидно, что вот, всегда так — только начнет все налаживаться... Его принесли в какую-то квартиру, полную чужих запахов, а в ней был какой-то толстый холеный котяра. И тут Рыжий задал чужаку такую трепку, что клоки шерсти закружились по квартире. Но его снова схватили. И засунули в чемодан.

Чемодан был большой и темный, в нем было страшно, дура-девчонка несла его, и тот качался от ее шагов и от ветра, и коту казалось, что чемодан полон звенящих и светящихся мух, и он начал ловить их и бить по ним лапой, потом устал, задохся, понял, что хочет пить и заорал.

Его выпустили в пустом вагоне метро. Он метался по вагону, и ненавидел и этот поезд, и эту девчонку, и думал о Серой, как там она, что они сделали с ней? Откуда же ему было знать, что дура-девчонка просто влюбилась — так же, как и он, по самые рыжие уши, и ей срочно надо было ехать за любимым в Питер, где у него гастроли, и билеты уже куплены на вечер. Так же, как и у Хельги с Валькой. А три дня назад она подобрала на улице серую кошку, пожалела ее, а теперь — что теперь делать? За Рыжим велено присматривать. Сначала она лихорадочно думала, куда бы пристроить на несколько дней двух котов, потом поняла, что никуда ты их не пристроишь двоих, одного еще куда ни шло, а обоих совсем никак, понимаешь? Тогда она

взяла Серую и выпустила ее на том же месте, где и нашла. А Рыжего повезла в Химки — там подружка вроде согласна была присмотреть. Но у них не сложились отношения с местным котом, подруга одолжила чемодан, чтобы кот не исцарапал девчонку до смерти, и они поехали домой.

А время поджимало, через три часа поезд, и она понимала, что вот сейчас вернется, дура, домой, а Хельга Патаки спросит, почему ее любимый кот в чемодане?

Выйдя из вагона и направляясь к эскалатору, я вдруг увидела, что уже почти на самом верху стоят две фигуры — Патаки и Шибалов. У меня екнуло где-то и кончился воздух. Они спустились на ступеньку вниз. Я волокла чемодан. До первой ступени по второй третьей и дальше дальше потом сперло в зобу что это за чемодан на лбу выступил пот рука онемела перестали гнуться колени ручка врезалась в ладонь что в чемодане, Полина?

— Там Рыжий.

Бухаюсь на ступеньку и реву.

* * *

— Рыжий, иди поешь.

Кот лежал на столе и всем своим видом показывал, что он просто спит и попросил бы его не беспокоить.

— Рыжий, я корму вкусного купила. Ну, ладно тебе, хватит уже. Сколько можно дуться? Тут такие дела творятся...

— Какие дела? Я-то тут при чем? — беззвучно ответил Рыжий.

— Ни при чем.

— Ох, житья мне не дадут эти девчонки. Ладно, валяй, выкладывай, чего там у тебя стряслось, — кот потянулся и повернул голову.

— Не хочу.

— Уф, вот заставят же подняться, ползти куда-то... — Рыжий бухнулся ко мне на колени и замурлыкал. — Итак, на той неделе ты рассказывала, что кто-то должен был прийти.

— Угу. Сидели мы как-то, репетировали, а Кир что-то грустный совсем. Хельга ему, мол, ты чего? А он: «Да с Машкой поругался. Слушай, у вас тут можно на пару дней кинуться, если что?» — «Само собой», — сказала она.

— И что, не «кинулся»?

Я насупилась и не отвечала.

— А ты ждала, значит?

— Помирились, наверное.

— Вот засранец.

Я закурила. Рыжий чихнул.

— Будь здоров.

— И ты не болей.

— А Машка-то ему, оказывается, совсем не жена. Живут просто вместе. Знаешь, это просто страшно, как она похудела за лето. Кажется, еще чернее стала.

— К зиме и мухи чернеют.

— Волосы у нее сыплются. В косынке ходит.

— Линька?

— Рак.